

Искусство управлять (Дорошевич)

Да будет благословен аллах, посылающий власть. Его святая воля! Да будет трижды благословен аллах, посылающий власти мудрость.

Лев умирал в пустыне. Старый, больной, бессильный. Один. Когда он заболел, приближённые волки сидели вокруг него и на каждый стон повелителя откликались печальным воем.

Но увидев, что лев потерял всю силу и не может даже подняться, волки покинули его и разбежались по своим делам. Одни овцы подходили довольно близко и с любопытством смотрели на льва. Они раньше никогда не видели своего властителя, не смея приблизиться и взглянуть. Они смотрели на умирающего льва и находили грустное утешение:

— Что ж нам жаловаться на свою участь, если и львы бывают так бессильны!

Лев лежал, полузакрыв глаза, на песке, всеми брошенный, тяжело дышал. И умирал.

Он мог бы рёвом огласить пустыню от края до края и созвать своих четырёх сыновей: Хакки, Гази, Заида и Акбара, которые охотились в дальних краях.

Но старый лев берёг свои силы для последнего, страшного рёва.

Страшен должен быть рёв льва, когда он вступает во власть. И страшен должен быть рёв его, когда он расстаётся со властью и жизнью.

В последний раз ужасом должен он наполнить сердца всего живущего.

Так умирали его предки. Так умрёт он.

Лев встал, полузакрыв глаза и смотрел на пустыню, где царили его предки, где царил он, где будут царить его потомки во веки веков. День погас.

Красным золотом горела пустыня.

Солнце, красное и большое, дотронулось до земли, прося у неё отдыха на ночь. И земля проглотила солнце. День погас.

И вместе со днём погас старый лев. Он поднялся, заревел и упал.

Испуганно задрожало всё в пустыне от его последнего рёва. И другой рёв, такой же страшный, ответил ему с края пустыни.

Это Хакки, — что значит Справедливый, — уведомлял, что вступил во власть.

Огромными прыжками понёсся он через пустыню и с первым лучом солнца был на том месте, где лежал его мёртвый отец.

Хакки внимательно оглядел песок кругом и с яростью ударил себя хвостом по рёбрам.

— Они дрожали около силы и покинули бессилие! На песке не было волчьих следов.

По следам было видно, что одни овцы на почтительное расстояние подходили к повелителю и посещали умирающего льва.

Грозным рёвом созвал Хакки всех зверей пустыни и проревел:

— Не могу ли я растерзать пантеры так же легко, как хорька? Следовательно, передо мной все равны. Почему же волки считают себя выше овец? Объявляю всем свою волю: пусть овцы живут под моей властью так же спокойно, как волки. И если с этого часа волк посмеет растерзать овцу, — он будет тут же разорван мною на части. Идите и не бойтесь отныне никого, кроме меня! Овцы радостно заблеяли. Волки разошлись, повесив хвосты. В пустыне настала тишина.

Больше не было слышно овечьих предсмертных криков. Только волки по ночам выли, подняв морды вверх и жалуясь небу на несправедливость. И плакали о прежних добрых временах: — Когда в пустыне жилось хорошо! Овцы от спокойствия плодились несметно. Волки ходили поджарые и щёлкали на них голодными зубами.

Однажды Хакки, играя, занозил себе лапу шипом дикого терновника и лежал, не мог двигаться.

К нему подошло десять волков и начали его издали дразнить. Хакки поднялся, чтобы одним прыжком кинуться на дерзких и растерзать.

Но со стоном опустился на песок: у него болела лапа. В это мгновение на него, сзади, кинулась стая оголодавших волков и растерзала его.

И жалобно пронёсся по пустыне последний стон, полный бессилия, больного льва.

Этот вопль услышал его брат, лев Гази, — что значит Победитель, — и ответил могучим рёвом вступающего во власть льва.

Как вихрь, примчался он к растерзанным останкам брата и печально опустил голову, и задумался:

— Ты был мне повелителем, старшим и любимым братом, мы играли вместе на песке, когда были маленькими, и рядом сосали молоко матери. Но тебя звали Хакки, — что значит Справедливый, — и быть справедливым над твоим трупом — значит наилучше почтить твою память. Справедливость выше дружбы и должна быть выше рабства. Ты поступил неумно. Если мы будем со слабыми, мы будем слабы сами. Чтобы быть сильными, надо быть вместе с сильными. Ты погиб из-за своей ошибки!

Он созвал зверей и прорычал:

— Что такое лев, потерявший силу? Вы видите! На силе основана моя власть. И только сила должна быть мне близкой и родной. Поистине, я не знаю лучшего способа почтить память умершего брата, как исправить сделанную им ошибку. Отныне мы возвратимся к божественным законам, данным нам самою природой. Пусть волки терзают овец, сколько им угодно. На то овцы и бессильны. Только сильные мне близки. Только волки могут рассчитывать на моё покровительство.

Овцы, слыша это, многие умерли от страха. А волки, ещё окровавленными от крови Хакки мордами, провыли:

— Да здравствует лев Гази! Могучий покровитель силы!

С этих пор в пустыне от восхода до заката солнца стояли сплошные вопли и стоны.

Волки спешили наверстать потерянное и резали овец даже когда не были голодны.

Зато ночи были тихи, сытые волки спали, не выли на луну и не жаловались небу. И лев Гази мог спать спокойно, не боясь коварства волков.

Волки стали жирны.

Овец становилось всё меньше, меньше, и, наконец, они исчезли совсем. Последние куда-то попрятались так, что их нельзя было разыскать. Сам лев лежал голодный и без сил. Ему нечего было есть.

Он давно уже забыл добрый обычай — съедать молодого барашка с восходом солнца и этим начинать удовольствия дня.

Он мечтал теперь хотя бы о старом, жёстком баране. Но не было и того.

Среди волков, после обжорства, наступил голод. И вместе с голодом родилось недовольство. Они кинули голодную страну, разбрелись и бросили голодного, бессильного льва одного: — Умирай в своей голодной стране. И лев Гази умер.

Он умер от голода в своей голодной стране, и был последний рёв его похож на жалобный крик голодного нищего.

Сердце перевернулось от жалости от этого крика у Заида, — что значит Счастливый, — третьего льва:

— Так ли рычали, умирая, наши предки?

Он глубоко задумался:

— Трудно управлять страной, населённой волками и овцами. Надо делать так, чтобы волки были сыты и овцы целы. Единственный способ: раз будет меньше волков, будет больше овец.

Так сказал себе Заид и приказал овцам выйти из убежища и, ничего не боясь, плодиться, и призвал назад волков.

— Я буду править мудро, вы поступайте мудро. Мы достаточно научены горьким опытом. Ешьте овец мудро. Дадим им сначала расплодиться. Затем вы терзайте овец. А я буду терзать кого мне угодно, потому что я сильнее всех.

Проголодавшиеся волки нашли, что устами льва говорит сама мудрость.

Овцы, которых стали есть с мудростью, быстро расплодились. Волки были сыты. Лев Заид бросил питаться овцами:

— Это волчья еда!

И растерзывал себе на завтрак, на обед и на ужин самых прожорливых волков. Волки терзали овец. Лев терзал волков. Так и жили. Мудро.

Волков стало не так много. Овцы успевали плодиться достаточно. И все жили в достатке. Все были сыты.

Но волки ели вкусное овечье мясо. А лев — могучий лев! — питался жёстким волчьим мясом. Какого не едят и собаки. Заид, со своей мудростью, стал посмешищем всех:

— Лев, который ест хуже последнего из своих волков!

Так Заид жил в бесчестье.

И в бесчестье скоро умер, ослабев от жёсткого волчьего мяса. Он радостно проревел в последний раз. Радуюсь смерти, как освобождению. Без горя покидая землю:

— Что на ней хорошего? Жизнь отвратительна, как жёсткое волчье мясо.

Услыхал его радостный последний рёв самый младший из братьев, сыновей старого льва, и заревел так, что всё в пустыне прилегло к земле от ужаса.

Это был самый сильный из четырёх братьев, и потому его звали Акбар, — что значит Великий.

Акбар приказал волкам согнать самых жирных овец и привести молодых волчат.

И, к общему удивлению, отдал овец на растерзание волчатам, а сам, голодный, лёг в стороне и смотрел, как волчата ели.

Когда же волчата наелись, Акбар встал, разорвал одного из них, съел. И объявил:

— Утром и в полдень я буду съедать по овце, — но вечером, прежде чем ложиться спать, я буду лакомиться молодым волчонком. Нет ничего вкуснее молодого волчонка.

Известно, что низшие всегда подражают высшим. И если повелитель скажет, что лук слаще мёда, все придворные начнут жевать лук, находя, что он лучше всяких шербетов.

— Быть как султан! Разве это не мечта всякого знатного? А:

— Быть совсем как знатный! Разве это не мечта всякого простолюдина?

Известно также, что слуга всегда хочет превзойти в блеске своего господина.

Нет ничего удивительного, что стоило распространиться слуху:

— Сам лев ест мясо волчонка как лакомство! И все нашли, что, действительно, нет ничего вкуснее, как мясо молодого волчонка. Даже овцы плакались, что им никогда не удастся съесть волчонка!

Лев съедал волчонка только на ужин. Волки стали есть друг у друга волчат на завтрак, на обед и на ужин.

— Султанская еда!

И в стране настало благополучие. Акбар один питался овцами. Волки, как это всегда бывает со знатными, хотели превзойти друг друга в великолепии и

рвали друг друга. Акбар съедал трёх овец в день, но каждый вечер, чтобы показать пример, разрывал волчонка, хоть и прятал потихоньку его мясо в песок.

В стране воцарилось богатство. Волки рвали друг друга, и число их не росло. Овец от этого становилось всё больше и больше. Овцы плодились и жили прямо в благополучии. Акбар ставил между собой волков, ел хорошо и пищу имел обильную.

Да будет благословен аллах, посылающий власть. Да будет трижды благословен он, посылающий власти мудрость!